

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

ЛУЧЕЗАРНОЕ СЛОВО

Лики Христа в космофиле С. А. Есенина

*Боже мой, воплоти Свою правду
в Руси грядущей...*

Сергей Есенин

1. Христоцентризм есенинского мышления

В эпоху небывалого духовного оскудения, окончательной “расхристианизации мира”¹ и “завершённой бессмысленности” поэзия Сергея Есенина остаётся для нас сокровищницей воспринятых им в юности *герметических откровений* и мистических ориентиров на пути духовной самореализации²: неспроста он в “Ключах Марии” проговаривал мотивы допотопной мудрости “Изумрудной скрижали” Гермеса Трисмегиста и архаического мифомышления славян, обращался к тематике Евангелия от Иоанна и раннехристианских апокрифов. Отдавая дань “скрытой внутренней силе русской мистики”, двадцатидвухлетний поэт выходил за пределы славянофильско-почвеннического сознания и мыслил в категориях планетарного мышления, формулировал принципы “космической философии”³, по-своему толкуя приближение Царствия Небесного как “царства космических тайн”⁴, объемлющего человека и пребывающего в его душе как микрокосме: “царства солнца внутри нас”⁵. Поэтому, наверное, и приходил в бешенство, когда “делали из него исключительно крестьянского поэта” (С. М. Городецкий) — *пастушка*, ностальгирующего по “Руси уходящей”. В самом деле, его стихотворная речь-песнопение, пронизанная “просветлённым чувствованием новой жизни”⁶, была пророчески обращена в будущее (“О, Русь, взмахни крылами, // Поставь иную крепь!”), чем и раздражала “подлых людишек”, для которых “деньги — главное дело”, которые “живут ради чувственных наслаждений”, увязая в “сгущённом хаосе разврата”⁷.

Письма деревенского подростка, неуклюже подражавшего А. В. Кольцову⁸ и С. Я. Надсону, мучимого вопросами “Жить или не жить?” и “Зачем жить?” — волнующие свидетельства его стремительного и вполне осознанного

ВОДОЛАГИН Александр Валерьевич — доктор философских наук, профессор. Член Союза писателей России. Автор книг “Метафизика воли” (2012), “Собрание духа. Пути и беспутьство русской мысли” (2013), “Русское познание Бога. Философия духа в России” (2019), сборника рассказов “Оливема” (2000), романа “Ворох, или Играющий с огнём” (2010, 2020).

продвижения к тому духовному максимуму, который точно именуется им *пробуждением*. Эта точность есенинской мысли тем более удивительна, что она не была порождением внешнего воздействия какого-либо авторитета, учительски передающего крупницы сакрального знания внимающему ученику. Начинаящий поэт-самоучка не располагал теми преимуществами двойного посвящения, которые веком ранее имел А. С. Пушкин, черпавший “вдохновение” сразу из двух источников недоступной профанам мудрости, усвоивший “преданья старины глубокой”⁹, поощряемый, с одной стороны, хранительницей благодатного ведения арийцев Ариной Родионовной Яковлевой, с другой стороны — знатоками масонского эзотеризма П. Я. Чаадаевым, Н. М. Карамзиным и В. А. Жуковским. Есенин же предавался *неистовым* поискам *самого себя* в полном одиночестве, превозмогая тоску и *томление духа*, защищаясь от враждебного отношения родичей. Следуя благотворному импульсу, полученному им от простого сельского священника Ивана Смирнова, семнадцатилетний “мечтатель” вчитывался в Евангелие, находя для себя в тексте очень много нового¹⁰, воображая себя “человеком, познавшим Истину”¹¹, более того — потенциально Христом, невольно представляя в глазах ближних “сумасшедшим”¹². Не всякий же мог распознать в “отроке солнцеголовом” *божественного ребёнка, русского Христа*, Алёшу Карамазова, провозвестника грядущих “священнейших дней обновления человеческого духа”¹³, то есть всемирной духовной революции — этого русского ответа на исторический вызов западной “материальной цивилизации”, сводящей человеческую жизнь к потреблению и пользованию, на “безмозглый ляг железа Америки”¹⁴. Уже в 16 лет он чувствовал себя *человеком Пути*, вырвавшимся из “греховного сонма”, сознававшим своё ничтожество и немощь, готовым **пойти на крест и умереть за “святую правду”**¹⁵ — ту правду-справедливость, которую некогда явили миру как идею и норму, как образец для подражания Христос и Будда¹⁶ и которая теперь почти всюду признана несбыточной (только не в России!). Нужно сказать, что до решающего “перелома” в своей внутренней жизни в 1914 году юный правдоискатель, тяготевший к христианскому социализму, воспринимал Христа как всего лишь совершенного “человека слова и дела”¹⁷, “Сына человеческого” — не более. “Христос для меня совершенство, — писал Есенин своему лучшему другу Григорию Панфилову в апреле 1913 года. — Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одарённого светлым умом и благородною душою, как в образец в последовании любви к ближнему”¹⁸. Космическая природа *максимальной человечности* Христа (Николай Кузанский), заключавшей в себе и *божественный максимум*, тогда ещё ускользала от пытливого ума подростка, далёкого от иоанновского понимания Христа как Слова, ставшего плотью, как воплощения высшего смысла и цели мировой жизни. Подтверждение этому — рассуждение Есенина в том же письме:

“Жизнь... Я не могу понять её назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно”¹⁹.

Простительное для подростка заблуждение. Тупиковый ход мысли, ведущий к приземлённой, толстовско-ренановской ереси, которой могут довольствоваться лишь те, кто пребывает в “слепоте нерождения”, как скажет уже прозревший Есенин в “Ключах Марии” (1918), где Христос изображён в виде героя космической мистерии, а Царствие Небесное описано как “солнечное пространство”, включающее в себя и “царство солнца внутри нас”²⁰. Уже за два года до создания этого своего главного философского трактата Есенин довольно-таки чётко формулировал новизну своего христианского сознания, отличая его и от традиционного русского двоеверия, и от интеллигентской индивидуальной религиозности Серебряного века:

*Не в моего ты бога верила,
Россия, родина моя!
Ты, как колдунья, дали мерила,
И был как пасынок твой я.*

Да, “ложноклассическая Русь” и в двадцатом столетии оставалась в его восприятии существом двуликим, являя себя то Светлой Девой, Богоматерью, то падшей Софией, пущенной по кругу, не кающейся Магдалиной²¹.

*О Русь, приснодева,
Поправшая смерть!
Из звёздного чрева
Сошла ты на твердь.*

Не будем закрывать глаза на то, что поэт не раз давал повод своим недругам для обвинений его в богохульстве, впрочем, как и Христос – книжникам и фарисеям: “Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий?” (Ин. 10, 36). Да и своим наивным ученикам – будущим апостолам – Христос напоминал о сказанном в Псалтыри: “вы – боги”. Так что Есенин, хорошо знавший Библию (“Только знаю Библию да сказки. . .”), усвоивший эзотерический подтекст Нового Завета, легко позволял себе пугавшие ортодоксов стихотворные строки, в которых отождествлял своё *высшее Я* с “маленьким боженькой”, “милым дятлом” Христом, “отроком Иисусом” (есенинское – старообрядческое – написание), творчески переоткрывая *Евангелие детства*, неся русскому народу в эпоху власти Тьмы “новый свет”:

*Наша вера не погасла,
Святы песни и псалмы.
Льётся солнечное масло
На зелёные холмы.*

*Верю, родина, я знаю,
Что легка твоя стопа,
Не одна ведёт нас к раю
Богомольная тропа.*

2. Образ “отчего рая”

Следуя по этой проторённой поэтом тропе, мы действительно оказываемся в светлом “земном раю”, где

*Снег, словно мёд ноздреватый,
Лёг под прямой частокол.
Лижет телёнок горбатый
Вечера красный подол.*

В есенинском космосе каждая вещь, каждое существо извещает, *поёт, звенит, аукает* об одном и том же: о радости чистого бытия-в-Духе, о Царствии Небесном, включающем в себя “мать-землю черницу” и пребывающем “внутри нас”:

*Гляну в поле, гляну в небо —
И в полях, и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.*

Это мирозерцание, связанное с восторженно-упоительным переживанием божественности нашего простого, будничного *бытия-в-мире*, Есенин правильно называл пантеизмом, который и защищал теоретически в “Ключах Марии” (воспроизводя кольцовское утверждение “Мир есть тайна Бога”), одновременно озвучивая мотивы пантеистической космологии в “огненном языке” своей поэзии, в непрерывном молитвенном песнопении “дымящейся земле”, её “полевой глухомани” и “лесной, дремучей мути”, “алому мраку в небесной черни” и “нездешним полям”. Понимая, что такой пантеистический пафос его лирики производил шокирующее впечатление на клир и вместе с тем вызывал к себе враждебно-настороженное отношение дорвавшихся до власти *бесов “русской” революции*, Есенин прятал под маской сказочника своё подлинное лицо пророка “прозревшей России”, *вестника мистически обнвлённого христианства*, придумывал периодизацию и менял хронологию

своего творчества²². “Самый щекотливый этап – это моя религиозность, которая очень отчётливо отразилась на моих ранних произведениях”, – признавался он в 1924 году в предисловии к первому тому стихов, написанных после 1912 года. И далее лукавил: “Я вовсе не религиозный человек и не мистик... Я просил бы читателей относиться ко всем моим Иисусам, божьим матерям и Миколам как к сказочному в поэзии”²³. Видимо, мало кто из строителей безбожной теократии в СССР поверил тогда поэту, автору взрывных поэм “Страна негодяев” (опять прямое есенинское попадание!) и “Пугачёв”, где Есенин, как ранее Пушкин, провидел спасительное для России пришествие *красного царя*, строителя *государства Правды* – ради “вселенского братства людей”:

Уже слышится благовест бунтов...

3. “Светлая весть”

Проехавшись в 1922 году по Европе почти по-гоголевски (“Взвейтесь, кони! Неси, мой ямщик... Матушка! Пожалей своего бедного сына...”) ²⁴, Есенин писал А. М. Сахарову: “Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать – самое высшее музик-холл... Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину”²⁵. Даже в этих хлёстких, казалось бы, сиюминутных оценках деградирующей западной цивилизации, предавшей забвению свои духовные истоки и ценностные основания, новоявленный Алёша Карамазов легко забегал на столетие вперёд, задевая наших нынешних “западников”, презирующих Россию и лакейски пресмыкающихся перед Западом. “Со стороны внешних впечатлений после нашей разлуки здесь всё прибрано и выглажено под утюг, – писал Есенин тогда же “пензенскому денди” А. М. Мариенгофу из Остенде. – На первых порах особенно твоему взору это понравилось бы, а потом, думаю, и ты бы стал хлопать себя по колену и скулить, как собака. Сплошное кладбище. Все эти люди, которые снуют быстрее ящериц, не люди – а могильные черви, дома их – гробы, а материк – склеп. Кто здесь жил, тот давно умер, и помним его только мы, ибо черви помнить не могут”²⁶. И позже ему же об “этой кошмарной Европе”, навевающей тоску: “. . . Боже мой, такая гадость, однообразие, такая духовная нищета, что блевать хочется”²⁷. Нечто подобное в том же 1922 году переживал в Берлине Андрей Белый, с которым Есенин нашёл общий язык в сентябре 1918 года – в ходе *значительного разговора*²⁸ о “грядущем христианстве”, неожиданно для себя оказавшись на *острие вершины “магической” линии всей истории* (Андрей Белый). И тогда же, в 1918-м с этой высоты прозвучало провидческое предостережение:

*И тебе говорю, Америка,
Отколота половина земли, —
Страшишь по морям безверия
Железные пускать корабли!*

Обратим внимание на уникальность есенинского духовного опыта. С отроческих лет притязая на достижение высочайшего статуса *пророка в своём отечестве*, каковым до него был удостоен лишь один А. С. Пушкин, Есенин избежал обычных ошибок русских богоискателей, нередко застревавших в своём духовном развитии на ступени разорванного, “несчастливого сознания”. Собственно искания Бога в его жизни, можно сказать, и не было, ибо Бог Сам нашёл его – тоскующего “русского мальчика” – и призвал к исполнению пророческой миссии вопреки мальчишескому “желанию кощунствовать и хулиганить”, превратив его в **существо**, “**несущее сияние**”, в ключевую фигуру в истории русского гнозиса. Таким он и явился в литературные салоны Петербурга весной 1915 года – воплощением “долгожданного чуда”, подобием *херувима, тем, кто светится божественным знанием*, кто несёт заблудшим “*благодостную весть*”. Поэт не раз намекал, а иногда прямо говорил о не книжном

источнике этого знания, хотя и обрёл его в период обучения на историко-философском отделении университета Шаньявского:

*Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайным тихим светом
Напоил мои глаза.*

Кто же? О каком госте заговорил прозревший поэт-вестник? “Кто-то в солнечной сермяге...” Да, сам “кроткий Спас”, “сладчайший Исус” *навестил* его и, минуя человеческих посредников, своих апостолов, отцов церкви и даже “белого Саровского Старца”²⁹, передал ему благостную весть, призвав к мистическому пенью “звёздных псалмов” и “начертанию Третьего Завета”. Очевидно, эта встреча поэта лицом к лицу с Христом произошла в Духе, возможно, в дремлющем духе, в озарившем его жизнь сновидении, что не снижает ценности почерпнутой из него “благостной вести”. Так или иначе, Есенин был последним русским поэтом, который отчётливо ощущал присутствие “незримого Христа” в погружающемся в кровавое безумие мире, испытал на себе “концентрированную солнечную силу” Христова Импульса (Андрей Белый)³⁰ и предвидел грядущее воплощение Бога-Логоса, *Лучезарного Слова*, Его возвращение на землю в новом обличье:

*Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.*

*Новое восславят
Рождество поля,
И, как пёс, пролетает
За горой заря.*

*Только знаю: будет
Страшный вопль и крик,
Отрекутся люди
Славить новый лик...*

Хотя новым лик грядущего, некогда *вознесённого от земли* (Ин. 12, 32), космического Христа будет казаться лишь апологетам исторического лжехристианства, *людям лунного света*, не способным вместить в своё приземлённое, сумеречное сознание Откровение Иоанна Богослова и идею внехрамового служения Богу в Духе и Истине, о чём говорил своим ученикам Христос четвёртого Евангелия и что проповедовал в своих “звёздных псалмах” Сергей Есенин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин Мартина Хайдеггера, введённый им для описания нашего *скудного времени* — эпохи “Мировой ночи”. Первый эксперимент по “расхристианизации мира” был поставлен французскими якобинцами, второй — троцкистами и хрущёвцами. В настоящее время этот проект иллюминатов осуществляется в глобальном формате. Примеры его поэтапной реализации: вынужденный уход папы Бенедикта XVI, совпавший с сатанинским ударом молнии в купол собора Св. Петра в Риме; ритуальное предание огню Собора Парижской Богоматери 15 апреля 2019 года, поджог 18 июля 2020 года собора Святых Петра и Павла в Нанте, где в XIV веке был вынесен приговор известному сатанисту-педофилу маршалу Франции Жилю де Ре; inferнальные действия поклонниц *Вавилонской блудницы* в Храме Христа Спасителя и у Никитских ворот (свадьба “самки богомола”), ежегодные люциферианские “фестивали света” в Москве, “сборища сатанинские” на Красной площади, нацеленные на десакрализацию “духовной столицы России” — последнего оплота Православия.

² Подробнее об этом в кн.: Водолагин А. В. Русское познание Бога. Философия духа в России. М., 2019. С. 215–230.

- ³ Термин К. Э. Циолковского.
- ⁴ Есенин С. А. Собр. соч. в шести томах. М., 1979. Т. 5. С. 178.
- ⁵ Там же. С. 187.
- ⁶ Там же. С. 180.
- ⁷ Там же. Т. 6. Письма. М., 1980. С. 39, 43, 45.
- ⁸ Поразившие семнадцатилетнего Есенина строки Кольцова: “Мир есть тайна Бога, Бог есть тайна мира”.
- ⁹ Водолагин А. В. Указ. изд. С. 22.
- ¹⁰ Есенин С. А. Указ. изд. Т. 6. С. 26.
- ¹¹ Там же. С. 28.
- ¹² Там же. С. 29.
- ¹³ Там же. Т. 5. С. 189.
- ¹⁴ Там же. С. 180.
- ¹⁵ Там же. Т. 6. С. 15, 25, 29.
- ¹⁶ Там же. С. 22.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 26.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Т. 5. С. 187. Сравнение Христа с “шаром солнца” Есенин обнаружил, видимо, в 1914 году в настольной книге русских мистиков – “Аврора, или Утренняя заря в восхождении” (Böhme J. Aurora oder Morgenröte im Aufgang. Frankfurt am Main und Leipzig, 1992. S. 141), переведённой Алексеем Петровским, другом Андрея Белого. С последним Есенин беседовал о *космическом Христе* и христианстве “Третьего Завета” в сентябре 1918 года – в период работы над трактатом “Ключи Марии”.
- ²¹ Роман Гуль был близок к пониманию мистического смысла есенинской поэзии, когда говорил о “дивных древних песнях пантеистического эротизма”, которые “пронзают всю лирику Есенина” (Русское зарубежье о Сергее Есенине. М., 2007. С. 310).
- ²² Подробнее об этом в кн.: Куняев С. Ю., Куняев С. С. Сергей Есенин. М., 2017.
- ²³ Есенин С. А. Указ. изд. Т. 5. С. 205, 206.
- ²⁴ Там же. Т. 6. С. 124.
- ²⁵ Там же. С. 123.
- ²⁶ Там же. С. 125.
- ²⁷ Там же. С. 129.
- ²⁸ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб, 1998. С. 165.
- ²⁹ Белый Андрей. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. М., 2000. С. 499.
- ³⁰ Там же. С. 408.